

торы). Нередко именно они определяют скрытую динамику семейной системы, «невидимые лояльности», трансгенерационные аффекты и симптомы. Через образно-символические репрезентации, а также посредством системного и имагинативного моделирования мы можем идентифицировать данные фигуры.

Ключевые слова: семейная система, трансгенерационные связи, системные аффекты, фантомные фигуры, арт-терапия, идентификация латентных факторов.

SUMMARY

The family system is a complex integrity which includes several generations of family members. Each generation makes its own unique contribution to the family dynamics, forming its memory, experience and ways of being. The family system includes in its structure both living and dead, who able to function in the family unconscious as phantom shapes (latent factors). Often they determine the hidden dynamics of the family system, "invisible loyalty" transgenerational affects and symptoms. By figurative and symbolic representations as well as through system and imaginative simulation we can identify this figures.

Key words: family system, transgenerational communication, system affects, phantom figures, art-therapy, identification of latent factors.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Прагматика фольклора. – СПб., 2004. – 312 с.
2. Гольжак де В.. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 233 с.
3. Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.
4. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. – М.: Когито-Центр, 2008. – 496 с.
5. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 295 с.
6. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны,

синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 256 с.

М. Р. Арпентьева

УДК 159.98

ЦИФРОВЫЕ БЕСПРИЗОРНИКИ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Современный мир стал миром цифровых технологий, отношения к которым составили конкуренцию отношениям между людьми: выбирая себе собеседника, люди часто выбирают компьютер, цифровые или медиаустройства. Общение людей оказывается так или иначе опосредованным цифровыми технологиями, что существенно их изменяет, сводя на нет и так недостаточные усилия семьи, школы, трудовых организаций, общества и государства побудить людей переключиться с жизни виртуальной на реальную. Ученые и практики тревожатся о том, что виртуальная псевдожизнь разрушает человека нравственно, психологически и физически, она разрушает саму культуру, человека как ее носителя и создателя, человеческие отношения как часть культуры. На практике масштабы «цифрового бескультурья» и «цифровой инволюции» человека до сих пор недооцениваются, а способы препятствовать ей почти не разрабатываются.

Однако просто сказать «нет» этим технологиям бессмысленно. С помощью цифровых технологий человек может обогатить свою жизнь и жизнь общества: нужна лишь культура обращения с ними, «цифровая культура», «цифровая эволюция» как эволюция человека и человечества, обогатившая культуру новыми, беспрецедентно расширяющими возможности человека орудиями, неизбежно изменяющими его и культуру.

Цифровые технологии побуждают человека к повторному пересмотру проблемы культурных универсалий, своей сущности, а также месту цифровых орудий в жизни и сущности человека. Статья посвящена анализу направлений совершенствования современного образования и воспитания в контексте представлений о цифровой культуре («электронной», «оцифрованной культуре», «цифровой кодировке культурной наличности», «цифровой кодификации/унификации» жизнедеятельности), ее роли в обучении и воспитании людей, предотвращающим феномены цифровой беспризорности и иные виды отчуждения в отношениях человека с собой и миром.

Проблема человеческой культуры. Проблема цифровой культуры – это во многом проблема культуры в целом. Современная цифровая культура как культура взаимодействия с цифровыми технологиями и устройствами до сих пор не сложилась в целостную и развернутую систему, обращенную к культурным универсалиям человеческой жизни. Во многих своих проявлениях она этим универсалиям противостоит: начиная от фиктивности виртуального (медийно-цифрового) мира, ставящего под вопрос реальность как таковую, и заканчивая процессом, отраженным в метафорах «цифровые аборигены» и «цифровые туристы» – родители и прародители как основные трансляторы культуры включаются в освоение цифровых и медиатехнологий фрагментарно и медленнее, чем их дети, теряя привилегии статуса старшего как больше знающего и умеющего. В результате не только цифровая культура становится в определенном смысле фиктивной, спорной и фрагментарной, но и культура вообще при-

обретает элементы фиктивности, частичности, спорности.

Во многих теориях классицизма и в традиционном сциентистском понимании принципы культуры (культурные универсалии) как условия человеческого существования обладают своим особым существованием: люди руководствуются ими, как будто эти принципы имеют объективное основание («укоренены в реальности»), несмотря на то, что научного доказательства им нет, а значит и нет доказательства их объективности, как нет и полного понимания, в результате чего возникает необходимость упрощения до фикций, как это описано в концепции Г. Файхингера, или симулякров, как это описано у Ж. Бодрийера и других постмодернистов. Функция культуры и образования состоит в том, что культурные универсалии помогают человеку выживать в условиях, где выживание почти невозможно [3]. Поэтому культурные универсалии – не простые утилиты, как писал Г. Файхингер, которыми нужно пользоваться или при необходимости заменять, но имманентные основы бытия человека и человечества. Однако эти универсалии все же подвергаются пересмотру, как это происходит в мире цифровых инноваций, в мире постмодерна, – тогда культура поддерживает себя и человеческую жизнь материально весомыми, в том числе насильственными, средствами. Иногда поэтому культура предстает как то, что приходится терпеть, чтобы выжить, как совокупность условий, при которых противоположные воли и желания не уничтожают друг друга во взаимных столкновениях, а находят компромисс. В этом смысле развитие и существование культуры зависит от того, насколько приспособление к меняющимся условиям успешно.

При неуспехе культурные принципы перестают быть основами общественной жизни, ориентирами поступков, их ценность падает (наступает десакрализация), а человек отказывается от принципов как таковых вообще либо начинает искать иные принципы, перебирая между частными и еще более частными выражениями того, что ранее осмыслялось как универсальное.

В мире цифровых инноваций и постмодернистской множественности истин произошла почти полная десакрализация: почти не осталось принципов и универсалий, которые не были подвергнуты исследованию и отвергнуты, как и фикции. Однако это лишь превратило в фикции остальной мир. Власть культуры в постмодерне стала условной, разрыв индивидуального и социального увеличился, породив множественность «внечеловеческого», в том числе гибридного (практикуются римейки и «селфи», возникают «люди – киборги», «люди – зомби», «гуманоиды»; формируется «лоскутная религиозность», «лоскутное сознание», деформирующие личность и продуцирующие в отношении такое же «лоскутное» поведение; компьютер заменил всех, кого мог: возникли «родитель – компьютер», «друг – компьютер», «тамагочи» и т.д.) Так происходит потому, что культурные универсалии вырождаются в свои противоположности. Этот процесс начался в XX веке с созданием первых концлагерей в Европе [4; 6, с. 327]. Однако это встречалось и раньше: рабство, например, целиком опирается на насильственную попытку выведения значительной части людей из культуры. В XXI веке люди «выходят» из культуры сами: становясь рабами по доброй воле. Поэтому согласие с гибелью и соучастие гибели культуры можно рассматривать как деструктивно завершающееся фарисейство: «Вслед за универсалиями в небытие отправляется и человек, оставляя взамен ...только свою природную массу» [5]. Человек без ценностей, человек, приспособивший ценности к «своей самодовольной малости», – всего лишь бутафория посткультуры: «человек вне культуры – фикция человека, культура, отчужденная от человека, подавляющая или принижающая его, провоцирующая на бунт, – фикция культуры. «Но ни человеку, ни культуре нельзя быть фикциями, это – их небытие», – пишет В. Порус [13, с. 376–377]. Необходимо их бытийное единство. Этот момент рассматривается в идее всеединства, охватывающей и отношение «человек – культура». Отвергая фикционализм, утилитаризм и аскетизм, С. Л. Франк отмечает: «Утилитаризм ни во

что не ставит отвлеченные, даже полагаемые абсолютными, ценности, предпочитая им практическую пользу; его антипод – аскетизм – выпячивает мораль как единственную опору культуры, провозглашая анафему земным стремлениям и нуждам. Оба не достигают высшего единства трансцендентного с эмпирическим и его не допускают» [7, с. 46]. На самом деле «культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие» [7, с. 49].

Парадокс культуры заключается в том, что ее основания не укоренены в эмпирических условиях жизни людей, но и не являются внешними по отношению к этим условиям: «Все старые – или вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избобляя если не их ложность, то их относительность... Кто ориентируется только на них, рискует... потерять разумное и живое отношение к жизни ...а если он ограничивается их отрицанием – духовно развратится и быть унесенным потоком всеобщей подлости и бесчестности» [8, с. 114]. Этот парадокс неразрешим, пока человек и культура отделены [9], но в реальности, в духовной жизни личности, они – едины [7, с. 50]. Поэтому «мир должен мыслиться состоящим из реальных деятельных существ или индивидов» [10]. Культура предстает как сфера непрерывного творчества личностей, направляемого общей для них целью. Цифровые технологии в этом мире – лишь поддержка творчества, расширяющая его возможности, но не подменяющая его, лишь компонент культуры, а не ее основа. И задача культуры – сформулировать необходимые ограничения: предписания и запреты на использование цифровых и медиатехнологий.

Основная проблема этих технологий и медиатизации – проблема выгоды, новых возможностей и потерь, новых ограничений от введения медиатехнологий в обучение в начальной, средней и высшей школах. Центральным фокусом этой проблемы – вопросы духовно-нравственного осмысления и наполнения преподавания, включающего активное

или пассивное задействование медиатехнологий. При этом активное включение – целенаправленное обращение к медиатехнологиям – более освоено, а проблемы пассивного включения, в том числе стихийного использования медиатехнологий учащимися и обучающимися без рекомендаций педагогов и преподавателей, – осмыслены меньше и преимущественно в негативном ключе.

Очевидно, что данные технологии не проникли в обучение просто так, они там нужны и позволяют не просто интенсифицировать познание человеком себя и мира, но и изменить отношения человека и мира, развивать человека как существо, наделенное благодаря медиатехнологиями небывалыми для предыдущих поколений ресурсами. Вместо такого же небывалого всплеска успеваемости и воспитанности, культурного развития и развития кругозора учеников мы наблюдаем «откат» к предыдущим состояниям почти тотального невежества основной массы населения и в том числе обучающихся. Легкость доступа и множественность знаний обесценили их, создав иллюзию ненужности обучения. Создав Интернет и медиасети по принципу аномичной и отчужденной от воспитательных и образовательных целей «свалки», взрослые направили детей не к познанию мира и самих себя, а к потреблению продуктов деятельности предшествующих цивилизаций и поколений, вручив им инструменты, позволяющие трансформировать эти продукты. Селфимания и иные зависимости демонстрируют, что дети и взрослые, поддерживаемые прагматическими постулатами о том, что будущее лучше прошлого, а настоящее и индивидуальное важнее опыта, массово отказываются от опыта предыдущих поколений, фокусируясь на текущих переживаниях и представлениях, отражающих непомерность желаний. На этом пути медиатехнологии становятся не инструментами развития, а ведут к деградации и самоуничтожению.

Проблема медиабезопасности при этом – всего лишь вершина айсберга: предыдущие поколения, разработчики и производители, родители и педагоги не заботятся о том, чтоб

осмыслить вызовы медиатизации и регулировать процессы взаимодействия детей. Интернет и иные медиасистемы наполнены «цифровыми беспризорниками».

Проблема цифровой беспризорности. Основная опасность технологий этого типа, как и вообще технологического прогресса как такового, – опасность разрушения человеческого в человеке: идущий вперед технологический прогресс почти парадоксально тормозит прогресс социальный. В результате человек остается «без присмотра»: ни его близкие, ни он сам не тратят время на то, чтобы задуматься о своем взаимодействии с цифровыми и медиатехнологиями. «Цифровые беспризорники» – новая метафора, которую мы можем предложить для объяснения происходящего в Интернет и медиасетях. Взрослые и дети как цифровые беспризорники ощущают на себе проблемы жизни беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и деструкцией личности, наряду с инволюцией и ускоренным взрослением и старением в результате вхождения в пространства и структуры, предназначенные для других возрастных групп и т.д.

Ранее исследовались только детская безнадзорность и беспризорность (бездомность) – социальные явления частичного или полного отстранения несовершеннолетнего от семьи, сопряженные с утратой места жительства и занятий [14; 15]. Отдельно рассматривались проблемы взрослого одиночества или «бомжевания». Сейчас эти понятия должны быть сближены и сопоставлены, особенно там, где речь идет о взрослой беспризорности: изоляции детей от взрослых и от семьи, взрослых без детей и одиноких взрослых, детей и взрослых, не имеющих дома.

Беспризорность обычно рассматривается как критический тип безнадзорности – ослабления или отсутствия опеки / попечения от родителей или попечителей [16; 17; 18]. Данный феномен угрожает гармоничному и своевременному формированию и развитию личности человека и способствует развитию социально негативных навыков [19; 20; 21].

Специфика отклонений в поведении и развитии безнадзорных и беспризорных показана в работах М. А. Алемаскина, С. А. Беличевой и др. Одно из исследований проведено еще П. Г. Вельским в 20-х годах XX века, отметившим доминирующие примитивные потребности («гиперэмоции») и нравственно-этические мотивы («этические эмоции»).

Рост беспризорности связан с социальными кризисами (войны, революции, голод, стихийные бедствия и другие изменения условий жизни, влекущие за собой сиротство, одиночество, безработицу, бомжевание и кочевничество), безработицей и дефектами образования, нищетой и разрушающей личностно-профессиональной и семейной эксплуатацией, конфликтной обстановкой в семьях и асоциальным поведением близких. В результате жизненные цели детей, подростков, юношей и даже взрослых могут смещаться в сторону психологического комфорта, получения сиюминутных удовольствий. Обычная беспризорность влечет за собой тяжелые общественные последствия: рост правонарушений и преступлений, проституции, наркомании, распространение заболеваний. Беспризорные люди, лишенные средств к существованию, семьи и дома, поддержки государства, опекунов, дружеских и соседских связей, могут подвергаться коммерческой и криминальной эксплуатации. Беспризорники вовлекаются в криминальные сферы деятельности, связанные с риском для физического здоровья, психологического, социального и нравственного развития.

Безнадзорность в ее традиционном измерении рассматривается как вариант девиантного поведения и результат социально-психологической дезадаптации, возникающей вследствие отсутствия правильного воспитания и обучения, внимательного, эмпатического, диалогического и искреннего отношения к человеку. Одним из внешних проявлений психосоциального неблагополучия являются **самовольный уход из семьи или детского учреждения и последующее бродяжничество как в целях развлечения и удовольствия, так и для выражения протеста на чрезмерные требова-**

ния или недостаточное внимание окружающих. Часто это попытка уйти от ответа в случае проступка или конфликта, психической травмы или дистресса, насилия и жестокого обращения – фрустрирующей ситуации.

Побег в медиасреду – не просто удаление из конфликтной ситуации, но перемещение в специфическую среду бродяжничества, приобщение к «уличному племени», где есть свои ценности и нравы, обычаи и нормы. С таким перемещением всегда связано освоение новых норм и ценностей: человек меняет субъектов идентификации, соответственно меняется его нравственное и правовое сознание: усиливается риск асоциальных форм поведения и закрепление таких черт, как неискренность, лживость, стремление к сиюминутным удовольствиям, отрицательное отношение к систематическому труду, оппозиция любой регламентации; заостряются патологические черты характера типа эмоционально-волевой неустойчивости, аффективной возбудимости, интеллектуальной ригидности, замкнутости.

Конечно, цифровые беспризорники не лишены семьи и дома. Однако психологически их связи с семьей разрушены, чувство дома у них утеряно или отодвинуто на задний план по сравнению с домом цифровых технологий. Особенно явно эта беспризорность проявляется там, где человека учат работать с информацией – в сфере обучения. Большое количество проблем современного образования связано с его медиатизацией. Включив цифровые технологии в образовательный процесс, общество намеревалось оптимизировать и гармонизировать образование, но помимо оптимизации технологической стороны, произошло ухудшение остальных сторон образования. Конечно, медиатизация современной жизни и образования – факт свершившийся, его нельзя и нет смысла пытаться отменить. Но этот процесс еще очень далек от завершения.

По мере переселения в виртуальный мир у цифровых беспризорников формируются **необязательность, скрытность, лживость, прагматичность, навыки взаимодействия и выживания в медиасреде, например, кибербуллинг**

и противостояние кибербуллингу [5], типичны резкая смена настроения и непредсказуемость поступков, повышенная подверженность влиянию лиц с криминальным поведением или неформальной группы. Именно с состоянием ненужности следует работать специалистам, семьям, обществу, государству [1; 2; 3; 4], побуждая человека к творчеству, разработке предписаний и запретов в отношении возникающих и уже имеющихся технологий всех социотехнологических укладов в истории человечества.

Проблема цифровой культуры. Творящим в культуре является Бог или Бог, проявленный, претворенный в человеке: «Свободное культурное творчество отдельного человека ... ограничено всеобщностью культурных целей. Но признание (культуры, истока – А.М.) может быть и не свободным, а вынужденным», – отмечает В. Порус [11, с. 383]. «Отсюда невольно рождается убеждение, что развитие культуры может быть обеспечено только подчинением личностей воле целого, только разумным, руководимым общими идеалами деспотизмом» [7, с. 54]. «Прямо на этом убеждении общество и въедет в «скотный двор»: деспотизм не был бы самим собой, если бы не подменял «общие идеалы» ... своими частными интересами, а разумность – софистическими парадоксами» [13, с. 384]. Восстание творений против истока означает конец культуры потому, что творение, разрушая свой исток, разрушает само себя. С. Франк полагал, что, «если противоречие неразрешимо, это следует признать фундаментальной чертой онтологии, а не свидетельством неприемлемости последней» [13, с. 385]. Ни Бог, ни культура, ни ее части, такие как семья, друзья, труд, руководство, не нуждаются в оправдании, но в усилении веры и понимания, в любви и творчестве [11]. Жизнеспособная культура не является внешней по отношению к своему наследнику, носителю и ретранслятору. Однако, если «овнешнение» возникает, как это типично для мира «цифровых беспризорников», то это симптом утраты жизнеспособности, кризиса: духовный мир человека превращается в сферу имитаций, игры с

фикциями и симулякрами, «подлинность вытесняется подделками, ценности – ценниками, жизнь людей – театром марионеток» [13, с. 387].

Таким образом, кризис современной культуры связан с отказом от Бога. Этот отказ – результат эпистемологического разочарования в мире объективной науки и общества потребления. Это также результат нравственного и утилитарного разочарования: представления о Боге и Его царстве не приводят к автоматическому комфорту и благополучию в царстве земных, но развивают часто активное беспокойство о том, что бытие не гарантировано [12]. Человек же лишний раз беспокоить себя не хочет: культура – это труд, образование – это труд, совершаемый человеком, но не вместо человека.

Создаваемые человеком технологии как будто гарантируют постоянный отдых и ненужность соблюдения универсальных норм. Однако вместо всеобщего братства и благоденствия, вместо всеобщего счастья и самореализации, вместо развития и расширения горизонтов понимания себя и мира, человечество сталкивается с парадоксальной экзистенциальной усталостью, опустошенностью, сужением сознания, отказом от самореализации. На этом фоне растет число как обычных, так и цифровых беспризорников. Количество беспризорных детей, одиноких и лишенных семьи, работы и жилья взрослых растет параллельно и в связи с ростом отчуждения, систематического отторжения своих членом обществом. При этом в странах с действенной системой всеобщей социальной поддержки и культуры отношений в семье, школе и на работе, беспризорных детей почти нет, намного меньше и взрослых, утративших или лишенных семьи, работы и жилья. Особыми признаками беспризорности являются: полное прерывание связей с семьей, родственниками; проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья, «бомжевание»; добывание средств к жизни способами, не признаваемыми в обществе (попрошайничество, воровство); усвоение, подчинение и ретрансляция неформальных «законов» мира улиц (субкультуры) [29; 30; 31].

Особыми признаками цифровой беспризорности также можно назвать прекращение и/или деформации отношений в семье, с родственниками, друзьями и сослуживцами; проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья, или превращение места проживания в непредназначенное для человеческого жилья, цифровое «бомжевание», связанное с ощущением покоя и уверенности в себе только за компьютером и/или иными гаджетами; деформации способов обучения и профессиональной деятельности, связанные с их пассивным и активным присвоением («хакерство», его повседневные аналоги) и деформации (лоскутизация и формализация) общения и отношений в Интернет и иных средах; ретрансляция неформальных «законов» виртуального или цифрового мира.

В современном мире, как отмечают Д. Е. Прокудин и Е. Г. Соколов, «технология замыкается сама на себя, превращаясь из инструмента-механизма в феномен культуры, ценный своим существованием... Восприятие и освоение культурных пространств уже не требуют усвоения соответствующего культурного кода, но происходят в режиме «погружения/поглощения декораций»... при этом искажения неизбежны, они программируются самим сценарием» [32, с. 86]. Они отмечают также, что «любой фрагмент «аналоговой культуры» (культуры как таковой, истоком или ядром которой является Бог – А. М.) определяется в своей подлинности лишь при соотношении с истоком. Отпав от него, будучи изъят из обстоятельств контекста, поддерживающих его и им же поддерживаемых, он становится пустым, никаким, чистой поверхностью, с которой можно делать все что угодно, наделяя любым смыслом...» [32, с. 87]. Исследователи пишут, что «мультипликация реальности сама по себе вроде бы не таит опасности – если бы не происходящая параллельно ей мультипликация сознания». При этом «сознание уже и не пытается проникнуть через них в это самое «ядро» и воспринять и принять его смыслы, вполне удовлетворяя свои культурные и духовные потребности переизбытком фрагментарных цифровых «франто-

мов», разрозненных культурных реплик» [32, с. 87]. Такая мультиплектность потоков нарушает целостность понимания объектов культуры и культурных событий, а «возможность доставки контента по требованию только увеличивает фрагментарность, мозаичность, «клиповость» восприятия и осколочность формирования индивидуальной культуры» [32, с. 88]. Таким образом, ведущей является угроза разрушения общей культуры или изоляции культуры, ее сохранение и передача в узких кругах на фоне постепенного уничтожения культуры и гибели остальной части человечества: части, забывшей о Боге в бесконечных вариантах монтажа его творений.

Перечисленные выше признаки маркируют активный распад культуры на фоне медленного формирования и развития «цифровой субкультуры», с отсутствием нравственных ограничений, которое общество безуспешно пытается решить с помощью ограничений правовых. Безуспешно потому, что само общество «сбилось с пути»: нельзя транслировать детям, равным и неравным, то, чего сам не имеешь. Учителей, родителей, наставников и руководителей же, имеющих представление о культуре, остается все меньше: их часто списывают в разряд «цифровых туристов» и ретроградов, тянущих цивилизацию и молодые поколения «назад». Общество «забывает» само себя, и, конечно, забывает своих членов.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема медиатизации, обусловленная введением медиа-технологий в обучение в начальной, средней и высшей школах. Центральным фокусом этой проблемы – вопросы духовно-нравственного наполнения преподавания, включающего активное или пассивное задействование медиа-технологий. Автором предложена метафора «цифровые беспризорники» для объяснения происходящего в Интернет и иных медиа-сетях. Взрослые и дети как цифровые беспризорники демонстрируют типичные черты жизни обычных беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и деструкцией личности и ее структур.

Ключевые слова: цифровые беспризорники, медиасреды, воспитание, обучение, отчуждение, ненужность, желания потребности.

SUMMARY

The article deals with the problem of mediation, caused by the introduction of media technologies in teaching in primary, secondary and higher schools. The central focus of this problem is the questions of the spiritual and moral content of teaching, which includes the active or passive use of media technologies. The author proposes a metaphor “digital homeless” to explain what is happening on the Internet and other media networks. Adults and children as digital homeless exhibit typical features of homeless life, beginning with anomie and alienation and ending with isolation and desocialization, development delay and destruction of the personality and its structures.

Key words: digital street, digital homeless, media environment, upbringing, education, alienation, uselessness, desires, needs.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
2. Vaihinger H. Wie die Philosophie des Als – Ob entstand // Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. 1921. – Bd. 2. – 380 s.
3. Тевзадзе Г. Иммануил Кант. Проблемы теоретической философии. Тбилиси: Мецниерба, 1979. – 316 с.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: СПб.: «Медиум» «Ювента», 1997. – 271 с.
5. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 2006. – 408с. – 273 с.
6. Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
7. Франк С. Л. Непрочитанное. Статьи, письма, воспоминания. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. – 588 с.
8. Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
9. Евлампиев И. И. Человек перед лицом абсолютного бытия: мистический реализм Семена Франка. – СПб.: Наука, 1995. – 656 с.
10. Франк С. Л. Философия и жизнь. – СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1910. – 394 с.
11. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
12. Хаугелен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры. – М.: ББИ, 2008. – 517 с.
13. Порус В. Н. Онтология культуры С. Л. Франка / Под ред. В. Н. Поруса. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 589 с.
14. Стивенсон С. А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – № 3–4 – С. 87–97.
15. Bassuk E.L., et al. America's Youngest Outcasts: 2010. – Needham, MA: The National Center on Family Homelessness, 2011. – 20 p.
16. Beand K. Internet addiction: Current status and implications for employees // Employment Counseling. – 2002. – Vol. 39. – № 1. – pp. 2–11.
17. Campen A. The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War. – New York: Afcea International Press, 1992. – 195 p.
18. Flowers, R. B. Street Kids: the Lives of Runaway and Thrownaway Teens. – Jefferson, NC: McFarland, 2010. – 244 p.
19. Gibson, K. Street Kids: Homeless Youth, Outreach, and Policing New York's Streets. – New York: New York University Press, 2011. – 288 p.
20. Shapira N. Psychiatric features of individuals with problematic Internet use // Journal of Affective Disorders. – 2000. – № 57. – pp. 267–272.
21. Spitzer M. Digitale Demenz. – München: Droemer, 2012. – 340 p.
22. Tapscott D. Grown Up Digital. – McGraw-Hill, 2008. – pp. 15–16.
23. Young K.S. Caught in the Net. – New York: John Wiley&Sons, 1998. – 256 p.
24. Вельский П. Г., Никольский В. Н. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем

поведении. – М.: Юрид. изд-во наркомюста, 1924. – 89 с.

25. Доля А. А. Личностные особенности беспризорных и безнадзорных детей и подростков // Ученые записки РГСУ. – 2009. – № 11. – С. 191–194.

26. Ильченко О. Ю. Новые беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края: дисс. ... канд. социол. наук. – Владивосток, Тихоокеан. гос. университет, 2009. – 161 с.

27. Слуцкий Е. Г. Беспризорность в России: вновь грозная реальность // Социс. – 1998. – № 3. – С. 117–119.

28. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладения // Образовательная политика. – 2011. – № 5 (55). – С. 48–59.

29. Lynn R. Dysgenics: Genetic Deterioration in Modern Populations. – London: Ulster Institute for Social Research, 2011. – 381 p.

30. Willis H. Profane cultural. – London, Routledge Falmer, 1984. – 212 p.

31. Willis H. Common Culture. Symbolic Work at Play in the Young. – London: Westview Press, Open University Press, 1990. – 165 p.

32. Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. «Цифровая культура» vs «Аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. – Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 83–91.

Л. Ю. Овчаренко

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В настоящее время нарастают глобальные процессы активации формирования и полномасштабного пользования информационными ресурсами, при этом особого внимания требует психологическая защищенность и информационная безопасность детей, что является основной целью нашего изучения. Знакомство подрастающего поколения с закономерностями пользования различными информационными ресурсами, овладение знаниями об элементарных правилах отбора и использования информации, умение фильтровать информацию, критически ее оценивать с точки зрения содержания, формы и влияния, способствуют формированию системы психологической защиты детей в информационной среде, сохранению здоровья и нормальному личностному развитию. В этом контексте чрезвычайно важным является аспект самостоятельной оценки детьми поступающей информации. Ребенка надо вооружить неким инструментом критического оценивания любой информации, поступающей извне.

Обеспечение детской информационной безопасности на государственном уровне, защита их физического здоровья, нравственного и умственного развития, человеческого достоинства несовершеннолетних во всех аудиовизуальных информационных продуктах и электронных СМИ и СМК является требованием международного права. Требования международных стандартов в вопросах информационной безопасности детей нашли свое отражение и в законодательстве РФ [1], где определяются правила и требования к медиабезопасности детей при обороте на территории РФ любой информационной продукции.